

УДК 316.75: 140.8

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-2-234-243

**ИДЕОЛОГИЯ В ОБЩЕСТВАХ МОДЕРНА И ПОСТМОДЕРНА:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ****IDEOLOGY IN THE SOCIETIES OF MODERNITY AND POSTMODERNITY:
A COMPARATIVE ANALYSIS****А.А. Трунов****A.A. Trunov**Белгородский университет кооперации, экономики и права,
Россия, 308023, Белгород, Садовая, 116аBelgorod University of Cooperation, Economics & Law,
116a Sadovaya St, Belgorod, 308023, Russia

E-mail: trunovv2013@yandex.ru

Аннотация

В статье с опорой на принципы системности и историзма осуществлён сравнительный анализ феномена идеологии в обществах модерна и постмодерна. Если классические идеологии модерна страдали избыточной телеологичностью и абсолютизацией «прекрасного» прошлого (консерватизм) или будущего (либерализм, социализм), то их нынешние клоны с приставками пост- или нео- ориентированы на прагматику конкретных проектов и абсолютизируют настоящее. Мы живём в эпоху идеологических симулякров, которые используются для легитимации различных актуальных PR-проектов, но отнюдь не для глубокого и всестороннего развития базовой идейно-смысловой платформы геокультуры модерна. В этих условиях идеологии превращаются в особую разновидность симулякров символического поля политики, выступая в качестве своеобразных маркеров, позволяющих осуществлять различение своих и чужих, друзей и врагов, а также служащих для мобилизации целевых аудиторий и групп поддержки различных PR-проектов.

Abstract

In the article, based on the principles of system and historicism, a comparative analysis of the phenomenon of ideology in modern and postmodern societies is carried out. It is known that the classical ideologies of Modernity suffered from excessive teleology and absolutization of the "beautiful" past (conservatism) or future (liberalism, socialism), while their current clones with prefixes post- or neo- are focused on the pragmatics of specific projects and absolutize the present. We came to the conclusion that we live in the era of ideological simulacra, which are used to legitimize various current PR-projects but not for the deep and comprehensive development of the basic ideological and semantic platform of modern geoculture. Under these conditions ideologies turn into a special kind of simulacra of the symbolic field of politics acting as a kind of domains of distinguishing between their insiders and outsiders, friends and enemies, as well as to mobilize target audiences and support groups for various PR-projects.

Ключевые слова: идеология, модерн, постмодерн, общество, геокультура, консерватизм, либерализм, социализм, мутация, симулякры, PR-проекты.

Keywords: ideology, modern, postmodern, society, geoculture, conservatism, liberalism, socialism, mutation, simulacra, PR-projects.

Введение

Актуальность заявленной темы обусловлена необходимостью глубокого и всестороннего анализа идеологии в обществах модерна и постмодерна. Основная проблема заключается в том, что данный феномен изучен в основном в обществах модерна на примерах весьма далёких от потребностей современной практики и сложившейся системы производства и трансляции смыслов. При этом остаётся неясным, что происходит с идеологией в обществах постмодерна, в частности, продолжает ли она играть традиционную роль или же с ней происходит определённая трансформация. На наш взгляд, эту проблему следует рассматривать с философских позиций, опираясь на принципы системности и историзма, а также парадигму конструктивизма, абстрагируясь от содержания конкретных идеологических систем. Такой подход позволит нам не только определить основную направленность тримодальной идеологии модерна, но и осмыслить закономерности её эволюции в обществах постмодерна.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы выявить общее и особенное в идеологическом оформлении модерна и постмодерна как двух альтернативных геокультурных проектов, взаимодействующих друг с другом по принципу преемственности через разрыв. Это позволит не только понять успехи и неудачи идеологического конструирования социальной реальности в прошлом и настоящем, но и осмыслить перспективы возможной «реанимации» классических идеологий в будущем. При этом мы исходим из предположения о том, что в условиях постмодерна идеологии приобретают имитационный характер и уже не играют той мобилизующей роли, которая была им присуща в эпоху модерна. Чтобы доказать этот тезис, мы сначала рассмотрим феномен тримодальной идеологии в обществах модерна, а затем обратимся к обществам постмодерна, в которых реальное заменяется виртуальным, публичное – частным, демократия – популизмом, рациональное – иррациональным, проектное – имитационным.

Идеология в контексте репрезентативной и проектной культуры модерна

1. *Мы исходим из того, что «все социально сконструированные миры в основе своей неустойчивы. Они поддерживаются деятельностью человека» [Бергер, 2019, с. 42]. При этом «культура является социальным фактом, так как она репрезентативна, то есть производит идеи, значения и ценности, которые действительны в силу их фактического признания. Она охватывает те убеждения, представления, картины мира, идеи и идеологии, которые влияют на социальное действие, так как активно разделяются или пассивно принимаются» [Тенбрук, 2013, с. 101].*

Культура модерна носит не только репрезентативный, но и проектный характер. И у неё складываются далеко не простые отношения со временем [Учреждающая дискурсивность..., 2017]. Суть модерна можно охарактеризовать как постоянное обновление обновляемого, в ходе которого трансформируются не только несущие конструкции жизненного мира отдельных индивидов, но и системные характеристики общества в целом. Как писал Э. Бёрк, «мы не знаем, где нам остановиться, не хотим довольствоваться уже приобретённым, не считаемся с достигнутым и в результате теряем всё то, что приобрели в ненасытной погоне за чем-то большим» [Бёрк, 2001, с. 58]. Чтобы перемены не привели к социальной и антропологической катастрофе, они должны уравниваться стабилизирующими и тормозящими механизмами репрезентативной культуры, то есть «наследуемого набора основополагающих толкований действительности» [Тенбрук, 2013, с. 107], закрепляющими социальную инерцию на уровне повседневности, а также рутинизации основных способов её объяснения и понимания.

Разнообразные формы символической политики и репрезентации публичной власти существовали и в традиционном обществе. Однако как феномен элитарного и массового сознания идеология начинает оформляться на рубеже XVIII–XIX вв. Тогда же обозначи-

лись три стратегических ответа на вопросы о том, как следует относиться к необратимым социальным переменам и кто же именно должен их возглавить.

На вопрос о переменмах консерваторы дали чёткий отрицательный ответ, предлагая видеть в них неизбежное зло, деструктивные последствия которого можно нейтрализовать, только лишь опираясь на потенциал Традиции. Главным социальным субъектом, способным осуществлять эффективное управление обществом, консерваторы считали крупных землевладельцев и аристократию, обладающую определённым потенциалом для внутренней трансформации в духе времени. Семья, Церковь, Государство, Порядок, – таковы главные ценности, которые с присущим им полемическим талантом отстаивали консерваторы, борясь со своими идейными оппонентами, которые разместились в центре и на левом фланге идеологического континуума.

Либералы (идеологический центр) полагали, что перемены в жизни общества крайне важны, однако далеко не все из них одинаково полезны. Либералы выступали за проведение тщательно продуманных и последовательных реформ, направленных на решение актуальных для того времени экономических, социальных, культурных и политических проблем, опираясь на организационные и управленческие возможности промышленной и финансовой буржуазии. Главными ценностями либералов являлись Свобода и Прогресс, которые рассматривались ими как общечеловеческие.

Сторонники социализма, а в более радикальной версии – коммунизма, (левые) полагали, что перемены идут слишком медленно. Они критиковали как консерваторов за их нежелание серьёзно заниматься проблемами развития, так и либералов за их стратегию постепенных изменений и тактику малых дел. Идеалом социалисты и коммунисты видели свободное общество свободных людей, где большинство могло бы развиваться интеллектуально, духовно и физически. Ценности Справедливости, Прогресса и Свободы, включая научное обоснование необходимости всестороннего развития личности на принципах классического гуманизма, стали своеобразной «визитной карточкой» социализма и коммунизма как теории и практики создания справедливого общества и нового человека. Что касается субъекта исторического развития, способного взять на себя миссию социального авангарда, то в качестве такового сторонники левых идей рассматривали пролетариат.

На основании общего понимания специфики модерна как эпохи перманентных и всесторонних изменений идеологами консерватизма, либерализма и социализма предлагались конкурирующие стратегии общественного устройства и конфликтующие парадигмы их практической реализации.

Поскольку на рубеже XVIII–XIX вв. основной формой легитимации знания выступала наука, то все классические идеологии, так или иначе, использовали наукообразную форму изложения. Собственно, уже А.-Л.-К. Дестют де Траси, придумавший слово «идеология», рассматривал данный феномен как сенсуалистскую теорию познания или оригинальный эпистемологический проект, направленный на выявление основных закономерностей человеческого мышления [Дестют де Траси, 2013]. Эта же линия прослеживается и в философии радикально настроенных младогегельянцев, которые продолжали рассматривать идеи в духе позднего Просвещения.

К. Маркс и Ф. Энгельс одними из первых обратили внимание на то, что взгляды младогегельянцев не соответствуют действительности [Маркс, Энгельс, 1955]. При этом они чётко зафиксировали фантазийный характер их теоретических построений, претендующих на познание объективной реальности. Отсюда – их представление о том, что идеология является разновидностью «ложного сознания», которое «не понимает» истинной природы своего бытия. «Идеология, – специально подчёркивал в этой связи Ф. Энгельс, – это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным. Истинные побудительные силы, которые приводят его в движение, остаются ему неизвестными, в противном случае это не было бы идеологическим процессом» [Маркс, Энгельс, 1966, с. 83].

Только принципиально новый тип знания, позволяющий адекватно понять происходящее и сформулировать основные законы Истории, являются, если следовать логике К. Маркса и Ф. Энгельса, необходимым условием выхода человечества из-под воздействия «чар» или «оков» идеологии. Вооружившись этими знаниями, субъекты стратегического действия способны творить Историю, то есть совершить своеобразный прыжок из «царства необходимости» в «царство свободы» и спасти человечество от неизбежной социальной и антропологической катастрофы.

Заметим, что основные идеи К. Маркса и Ф. Энгельса оказались восприняты не только коммунистами или социалистами, но и явными либералами. Один из них (теоретик социальной инженерии К. Манхейм) полагал, что только социология, «очищенная» от любых элементов классово-идеологической ангажированности, способна противостоять идеологии как парадигме господства правящего класса в сфере производства господствующих идей и легитимирующих смыслов, которые с помощью определённых социальных технологий «внушает» массам нужные ему образцы социально одобряемого поведения, контролирует процессы духовного производства и потребления востребованной обществом интеллектуальной продукции.

К. Манхеймом делается обоснованный вывод о том, что идеология («частичная» или «тотальная») представляет собой своего рода конечный «продукт» (идеи, концепты, ценности, теории) такого способа понимания реальности, при котором представители господствующего класса интерпретируют явления окружающей их действительности с позиций его интересов [Манхейм, 1994]. А вот мировоззрение депривированных категорий населения он обозначал термином «утопия», видя в ней особую разновидность хилиастических представлений [Манхейм, 1994, с. 40]. Утопия бросает вызов идеологии, поскольку провозглашает возможность существования иного, более справедливого общества.

К. Манхейм считал, что подлинно научный образ социальной реальности способна предложить только интеллигенция [Манхейм, 2000], то есть люди, которые профессионально занимаются производством и трансляцией фундаментальных смыслов, определяющих общественное бытие. Именно в интеллигенции, чьей основной работой является критика несовершенств существующего общества, К. Манхейм видел своеобразный «когнитариат», способный не только создавать адекватную духу времени научную картину мира, но и преобразовывать её в перспективе реализации ценностей Свободы и Прогресса.

Как видим, у консерваторов, либералов и коммунистов идеология представляет собой нечто большее, чем господствующие социальные иллюзии или «ложное сознание». Во всех случаях она является системой регулятивно-охранительных или проектно-конструкторских идей, которые характеризуют перспективы становления и функционирования должной модели общества в трёх её возможных вариантах. Опора на науку, да и само изложение основных постулатов классической идеологии в наукообразной форме не следует рассматривать как своеобразную «уловку» идеологов. Это важно отметить ещё и потому, что многие из них серьёзно занимались настоящей исследовательской работой [Шацкий, 2018].

Апелляция к науке не была случайностью или следствием какого-то особого «коварства» идеологов. Скорее это была попытка встроить идеологию в легитимный научный дискурс и превратить её в полноценную теорию общественных изменений, то есть реализовать эпистемологический проект, сформированный всей геокulturой модерна. «Задача идеологов, – отмечает в этой связи Е.В. Смирнова, – обнаружить практический путь реализации своих идей, что заставляет их обратиться к социальной философии и науке. Так в корпус идеологии включаются идеи, которые касаются не только политических предпочтений, но и способов их реализации» [Смирнова, 2019, с. 39–40].

В целом же роль идеологии в обществах модерна принципиально амбивалентна: предлагая легитимирующие смыслы и символы социального порядка, идеология не только всякий же раз ставит их под сомнение, но и проблематизирует настоящее, предлагая сделать выбор либо в пользу сконструированного идеализированного прошлого (консерва-

тизм), либо прекрасного будущего (либерализм, социализм). Именно эти единство и борьба противоположностей в рамках общей геокультуры модерна делали идеологию вполне востребованной и жизнеспособной.

Однако в XX в. все классические идеологии модерна претерпели определённую трансформацию.

Например, консерватизм, для которого изначально было характерно сильно выраженное охранительное начало, не смог пережить своеобразного «искушения» фашизмом и нацизмом. В сущности, консерватизм был дискредитирован не столько либералами или коммунистами, сколько своими мнимыми «союзниками» справа, которые превратили весь консервативный дискурс в маргинальную территорию смыслов. Современные консерваторы – это либо заведомые аутсайдеры политического процесса, либо унылые последователи Традиции, которую они боятся отстаивать публично, опасаясь быть заподозренными в фашизме или в чём-то ещё более страшном. Отсюда их уход в эзотерику, конспирологию и другие маргинальные сферы социального знания, которые не могут быть признаны академической наукой.

А вот социализм и коммунизм оказались дискредитированы репрессивными практиками авторитарных режимов, которые полностью уничтожили и выхолостили их живое содержание, связанное с попытками теоретического обоснования и практической реализации концепции нового гуманизма и нового человека, подменив его мертвящей скукой пленумов и партийных съездов, ритуальным скандированием лозунгов и циничным использованием высоких идеалов в сугубо прагматичных целях. Тот «развитой социализм», который при всех его позитивных достижениях был построен в СССР и странах, которые вошли в сферу его влияния, представлял собой скорее социально-ориентированную версию потребительского общества, нежели то, за что боролись классики марксизма.

Либерализм как главная и наиболее репрезентативная идеология модерна в более или менее цельном и конструктивном виде просуществовал примерно до 1968 г. Однако после событий субкультурной революции 1968 г. началась необратимая мутация либерализма, который начал стремительно избавляться от своего гуманистического содержания, вырождаясь в либертарианство, пропаганду сексуальных перверсий, а также в идейное обоснование непрекрытого господства глобального капитала и элитных меньшинств. Такого рода «либерализм» пригоден разве что для легитимации господства существующих элитных групп, которые абсолютно не заинтересованы в развитии.

Смерть классических идеологий модерна была зафиксирована И. Валлерстайном в знаменитом сборнике «После либерализма» [Валлерстайн, 2003]. Многие представители экспертного сообщества тогда эту новость восприняли скептически. Однако здесь мы имеем дело скорее с ошибкой восприятия. Концепция И. Валлерстайна, развиваемая им на протяжении многих лет [Валлерстайн, 2006], зафиксировала не «конец идеологии», а завершение определённого этапа её развития, совпавшей с реализацией ценностей Свободы и Прогресса на уровне социальных институтов массового общества и появлением новых возможностей и перспектив развития, обусловленных постмодерном и процессами становления общества сетевых структур. Однако эти перспективы требуют специального рассмотрения, выходящего за рамки аксиоматики классических прописей модерна.

Идеология в обществах постмодерна

На рубеже XX–XXI вв. исследователями были предприняты попытки философско-теоретической рефлексии постмодерна в контексте его радикального противопоставления модерну [Андерсон, 2011, Джеймисон, 2019]. Были поставлены под сомнение история и рациональность, эпистемология и аксиология, свобода и прогресс, возможности и перспективы формационного и культурно-цивилизационного развития на основе классического гуманизма и императива благого восхождения человека. Не менее острой оказалась постмодернистская критика случайного и закономерного, порядка и хаоса, революционного и эволюционного, реального и виртуального, природного и социального с позиций реляти-

визма и скептицизма, деконструкции и инверсии «верха» и «низа», актуализации маргинального и всего того, что ранее было отвергнуто академической философией и наукой.

Тем не менее, тема постмодерна, обусловленная необходимостью формирования более адекватной и полной научной картины мира, так и не была раскрыта во всей её цветущей сложности и полноте. Специфический нарратив постмодернистских прописей, их нарочито провокационный и полемически заострённый стиль критики, основанный на проблематизации очевидного, сбили с толку многих отечественных и зарубежных исследователей. Отвлекаясь на дискуссии по частностям и фактам, философы и культурологи, представлявшие респектабельный мейнстрим, завязли в арьегардных боях, языковых играх и попытках доказать, что модерн скорее жив, чем мёртв, что истина всегда конкретна, а критерием её проверки является практика. Между тем постмодернистский подход перестал быть своеобразной интеллектуальной экзотикой и превратился в популярный философский и культурологический дискурс, который сегодня соотносится с классической философией и культурологией как их диалектическое отрицание и дальнейшее развитие.

Всё это оказало существенное влияние на практику идеологического и символического конструирования реальности. Идеология, официально изгнанная из публичной политики, дискредитированная и заклеимённая как наиболее вредоносная разновидность «ложного сознания» [Гальцева, Роднянская, 2012], стала неожиданно возвращаться в публичную сферу и прирастать новыми смыслами [Философия и идеология, 2018]. Однако в силу самой специфики постмодерна она так и не оформилась в нечто общественно значимое и теоретически состоятельное. Хотя идеи и не обрели свои полноценные логосы, они стали своеобразным «строительным материалом» для постмодернистских имитаций и языковых игр, социальных мифологий и дискурсивных практик, где наблюдаются нарочитая эклектика и плюрализм.

Всё это можно объяснить тем, что актуальная элита научилась легко обходиться без внятно декларируемой идеологии. Програмные тексты политиков намеренно мозаичны и многослойны, при этом реальная власть носит закрытый и непубличный характер. То же, что подаётся и рассматривается в качестве публичной политики, представляет собой странную разновидность спектакля, шоу-бизнеса, рекламистики и имиджмейкинга.

Запрос контрэлит и временно отодвинутого на обочину Истории когнитариата на идеологию как «дорожную карту» развития эффективно блокируется актуальной элитой, не заинтересованную в развитии, в результате которого она может потерять свои господствующие позиции. Однако массовая доступность Интернета объективно способствует реидеологизации общества. Его наиболее передовая и технологически оснащённая часть не просто значительное время своей жизни проводит в Интернете, но и ведёт активную виртуально-социальную жизнь. Социальные сети сегодня являются не только инфраструктурой производства, распространения, а во многих случаях и уничтожения смыслов, но и главным феноменом, характеризующим символический обмен в обществе постмодерна. При этом компьютеризация всех сфер общественной жизни (экономики, политики, образования, науки, искусства) вторична по отношению к виртуализации, то есть замене социальных институтов их симуляциями и имитациями, на что обратил внимание Д.В. Иванов [Иванов, 2002].

Мы наблюдаем процесс виртуализации идеологии, в ходе которого происходит определённая трансформация её смыслового содержания. Наряду с этим появляются новые возможности как публичной трансляции, так и нейтрализации её базовых смыслов, которые позволяют говорить о том, что в обществах постмодерна идеология не исчезает, а играет вполне определённую роль, связанную с наполнением публичного дискурса цитатами из политических текстов модерна, адаптированных для решения актуальных прагматических задач и реализации модных PR-проектов.

Классические идеологии (консерватизм, либерализм, социализм) представлены в социальных сетях в виде форумов, тематических сообществ, открытых и закрытых групп, занимающихся репликацией и обсуждением классических нарративов, организацией и

проведением публичных дискуссий по темам, которые интересны и понятны разве что ценителям старого доброго ретро. Такого рода «мумификация» смыслов коррелирует с деятельностью политических партий, которые воспринимают классическое идейное наследие с позиций специфического «музейного» дискурса, но отнюдь не как нечто живое, теоретически значимое и практически востребованное.

Сайты и сообщества политических партий поражают своей безликостью и однотипностью. Современные «статусные» коммунисты, консерваторы или либералы – это люди, очень сильно тяготеющие к трансляции уже сложившейся и оформившейся социальной мифологии, для которой характерен набор одних и тех же аргументов и пропагандистских клише. Эта застывшая в своём развитии «ортодоксия» борется с любыми проявлениями «ревизионизма», часто – вопреки новаторскому характеру самих классических идеологий. Однако (чтобы оставаться на плаву и хоть как-то бороться за голоса избирателей) традиционные субъекты публичной политики вынуждены хотя бы имитировать своё присутствие в медийной сфере. При этом в медийном пространстве конкурируют не идеологически маркированные теории развития общества, а скорее их «демо-версии». Сами же партии превратились в бизнес-проекты или опорные структуры правящей бюрократии, которая откровенно заигрывает с темой патриотизма.

В социальных сетях можно встретить весьма далёких от официоза консерваторов, либералов, коммунистов, которые превосходно владеют новыми подходами и технологиями, например, умеют создать или использовать нужную им «информационную волну», организовать публичную критику тех или иных политических субъектов, а также дискуссию по вопросам актуальной политики. Другое дело, что в силу целого ряда причин, на которых не имеет смысла останавливаться в данной статье (мозаичное сознание, лавинообразный характер информации, нежелание пользователей тратить время на чтение и осмысление объёмных текстов), большинство потребителей идеологического контента ограничиваются листанием новостной ленты, краткими и довольно убогими комментариями, но отнюдь не вдумчивым и глубоким обсуждением завлечённых проблем.

Весьма интересно наблюдать за деятельностью блогеров – лидеров и «окоормителей» общественного мнения, которые не только создают разнообразный идеологический контент, в том числе в виде постов, мемов, демотиваторов, информационных вирусов, но и организуют интерактивное общение с различными сегментами целевой аудитории.

Блогеры, которые занимаются публичной политикой, используют одни и те же приёмы и технологии воздействия:

- чёткое разделение аудитории на «своих» и «чужих»;
- опору на медийно продвинутое меньшинство;
- навешивание ярлыков;
- манипулирование фактами;
- повторение одних и тех же аргументов;
- домысливание и ироническое комментирование;
- вырывание фраз из контекста;
- усиление негативных стереотипов;
- отказ от рациональной аргументации в пользу эмоционально-образного воздействия;
- нарушение законов логики;
- подавление инакомыслия за счёт дискредитации личности оппонента, в том числе путём коллективных информационных атак;
- троллинг, хейтерство и другие виды психологического насилия;
- подстройку под запросы аудитории;
- сознательная примитивизация и «порча» языка;
- карнавализацию быта и бытия;
- популизм.
- разрушение привычной картины мира.

При этом важную роль играют дискурсивные маркеры и когнитивные ярлыки, которые участники идеологических сообществ «навешивают» друг на друга.

Например, для большинства «левых» или «красных» сообществ главными символическими фигурами являются К. Маркс, В.И. Ленин, И.В. Сталин, чья деятельность рассматривается и подаётся преимущественно в апологетическом ключе. То же касается Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г., которая характеризуется ими как главное учреждающее событие XX в. Консерваторы выступают сторонниками «Белой России», апеллируют к монархии и необходимости всенародного «покаяния» за гибель династии Романовых. Большую популярность среди них имеет нарратив о «масонском заговоре» и его следах в прошлом и настоящем. Либералы выступают как идейные сторонники «вхождения в Европу», проповедуют российскую культурно-цивилизационную вторичность и необходимость полной интеграции в глобальный мир.

Пожалуй, единственным сакральным символическим событием, которое отчасти примиряет перманентно враждующие идеологические пространства, является День Победы в Великой Отечественной войне. Однако и здесь абсолютного единства не существует. Так, в последние годы большое распространение получил психоисторический вирус «победобесия», когда под благовидным предлогом «заботы» о ветеранах Великой Отечественной войны осуществляется обесценивание исторической значимости её итогов. В результате такого деструктивного воздействия в общественное сознание внедряются мысли о том, что Победа – это уже не победа, Подвиг – уже не подвиг, а Родина – это там, где комфортно. Другой вариант манипуляции состоит в том, чтобы осуществить подмену Дня Победы на День Печали и скорби, то есть поставить знак равенства между 9 мая 1945 г. и 22 июня 1941 г., что широко используется на Украине и в других государствах постсоветского пространства. Третий приём – некорректное сравнение СССР и Третьего рейха как двух «идентичных тоталитарных режимов» в равной мере ответственных за развязывание Второй мировой войны.

Также хотелось бы отметить своеобразный виртуальный «аутизм», когда представители одной и той же классической идеологии разбиваются на сравнительно мелкие группы и сообщества, которые словно состязаются в том, чтобы не видеть или не слышать друг друга. Эти мелкие сектантские бои, как правило, не затрагивают сколько-нибудь важных общественно-значимых вопросов. Ни консерваторы, ни либералы, ни коммунисты не стремятся к консолидации или действиям в рамках общей идейной платформы. Если же такие объединения и случаются, то носят характер ситуационных и тактических альянсов. Таковой, например, наблюдался после событий Русской весны 2014 г., которые поддержало большинство идеологических сообществ. Противники воссоединения России и Крыма оказались в явном меньшинстве. Поэтому их роль в медийном пространстве была абсолютно ничтожной. «Крымский консенсус» продержался вплоть до начала «пенсионной реформы» 2018 г., которая вызвала неоднозначную реакцию в обществе.

Виртуальные и сетевые разновидности классических идеологий, безусловно, присутствуют в публичном пространстве, но не как живые парадигмы мысли и практики, а как своеобразные «отсылки» к прошлому, из которого они берут не огонь, а остывающий пепел. Навешивание ярлыков, использование уничижительных обозначений, например, «либероиды» вместо «либералы», «праваки» вместо «правые» или «леваки» вместо «левые» также стало одним из подтверждений того, что идеологии больше не артикулируют образы желаемого общества, а используются как строительный материал для конструирования политтехнологических проектов, ориентированных на решение прагматических задач настоящего. Именно это и порождает ощущение того, что идеологии перестали решать задачи социальной мобилизации и выполняют вспомогательную роль по отношению к PR, имиджмейкингу или обслуживанию интересов правящей бюрократии.

Заключение

1. При осуществлении сравнительного анализа идеологий в обществах модерна и постмодерна невольно вспоминаются слова В.И. Ленина о том, что «люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать интересы тех или иных классов» [Ленин, 1973, с. 47]. Эти соображения вполне наглядно характеризуют ту роль, которую играют идеологии как феномен господства и культурной гегемонии.

2. Если классические идеологии модерна страдали избыточной телеологичностью и абсолютизацией «прекрасного» прошлого (консерватизм) или будущего (либерализм, социализм), то их нынешние клоны с приставками пост- или нео- ориентированы на прагматику конкретных политических проектов и абсолютизируют настоящее. По существу, мы живём в эпоху симулякров идеологии, которые используются для легитимации различных политических проектов, но отнюдь не для глубокого и всестороннего развития базовой идейно-смысловой платформы геокультуры модерна. Идеологии превращаются в особую разновидность символического поля политики, выступая в качестве своеобразных маркеров различения своих и чужих, друзей и врагов, а также для мобилизации целевых аудиторий и групп поддержки.

Список литературы References

1. Андерсон П. 2011. Истоки постмодерна. Пер. с англ. М.: Издательский дом «Территория будущего», 208 с.
Anderson, P. 2011. Istoki postmoderna [The Origins of Postmodernity]. Per. s angl. M.: publishing house «Territoriya budushchego», 208 p.
2. Бергер П. 2019. Священная завеса. Элементы социологической теории религии. Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 208 с.
Berger P. 2019. Svyashchennaya zavesa. Elementy sotsiologicheskoy teorii religii [The Sacred veil. Elements of the Sociological Theory of Religion]. Per. s angl. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 208 p.
3. Бёрк Э. 2001. Правление, политика и общество. Сборник. Пер. с англ. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 480 с.
Bork E. 2001. Pravleniye, politika i obshchestvo. Sbornik [Board, Politics and Society. Collection] / Per. s angl. M.: «KANON-press-TS», «Kuchkovo pole», 480 p.
4. Валлерстайн И. 2003. После либерализма. Пер. с англ. М., Едиториал УРСС: 256 с.
Vallerstayn I. 2003. Posle liberalizma [After Liberalism]. Per. s angl. M., Yeditorial URSS: 256 p.
5. Валлерстайн И. 2006. Миросистемный анализ: Введение. Пер. с англ. М.: Издательский дом «Территория будущего»: 248 с.
Vallerstayn, I. 2006. Mirosistemnyy analiz: Vvedeniye [World-System Analysis: Introduction] / Per. s angl. M., publishing house «Territoriya budushchego»: 248 p.
6. Гальцева Р., Роднянская И. 2012. Summa ideologiae: Торжество «ложного сознания» в новейшие времена. Критико-аналитическое обозрение западной мысли в свете мировых событий. М., Посев: 128 с.
Gal'tseva R., Rodnyanskaya I. 2012. Summa ideologiae: Torzhestvo «lozhnogo soznaniya» v noveyshiye vremena. Kritiko-analiticheskoye obozreniye zapadnoy mysl'i v svete mirovykh sobyitiy [Summa ideologiae: The Triumph of "false consciousness" in Modern Times. Critical-analytical Review of Western thought in the light of World events]. M., Posev: 128 p.
7. Дестют де Траси, А.-Л.-К. 2013. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова. Пер. с фр. М., Академический Проект: 334 с.
Destyut de Trasi, A.-L.-K. 2013. Osnovy ideologii. Ideologiya v sobstvennom smysle slova [The basis of the ideology. Ideology in the proper sense of the word]. Per. s fr. M.: Akademicheskiiy Proyekt, 334 p.
8. Джеймисон Ф. 2019. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. Пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара, 808 с.

- Dzheymison F. 2019. Postmodernizm, ili Kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma [Postmodernism, or The Cultural Logic of Late Capitalism] / Per. s angl. M., Publishing house of the Gaidar Institute: 808 p.
9. Иванов Д.В. 2002. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб., Петербургское Востоковедение, 224 с.
- Ivanov D.V. 2002. Virtualizatsiya obshchestva. Versiya 2.0 [Virtualization of Society. Version 2.0]. SPb.: Peterburgskoye Vostokovedeniye, 224 p.
10. Ленин В.И. 1973. Полное собрание сочинение. 5-е изд. Т. 23. М., Изд-во политической литературы, 595 с.
- Lenin, V.I. 1973. Polnoye sobraniye sochineniye. 5-ye izd. T. 23 [Complete works. 5th edition. Vol. 23]. M.: Izd-vo politicheskoy literatury: 595 p.
11. Манхейм К. 1994. Диагноз нашего времени. Пер. с нем. и англ. М., Юрист: 700 с.
- Mankheym K. 1994. Diagnost nashego vremeni [Diagnosis of our time]. Per. s nem. i angl. M., Yurist: 700 p.
12. Манхейм К. 2000. Избранное: Социология культуры. М., СПб., Университетская книга: 501 с.
- Mankheym K. 2000. Izbrannoye: Sotsiologiya kul'tury [Elected: Sociology of Culture]. M., SPb., Universitetskaya kniga: 501 p.
13. Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955. XIV, 616 с.
- Marks, K., Engel's, F. Sochineniya. 2-ye izd. T. 4 [Compositions. 2nd ed. Vol. 4]. M.: Gospolitizdat, 1955. XIV, 616 s.
14. Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 39. М.: Изд-во полит. лит., 1966. XXII, 713 с.
- Marks, K., Engel's, F. Sochineniya. 2-ye izd. T. 39 [Compositions. 2nd ed. Vol. 39]. M.: Izd-vo polit. lit., 1966. XXII, 713 s.
15. Смирнова, Е.В. 2019. К вопросу о соотношении социальной философии и идеологии. Вопросы философии, 1: 39–42.
- Smirnova Ye.V. 2019. K voprosu o sootnoshenii sotsial'noy filosofii i ideologii [To the Question of the Relationship of Social Philosophy and Ideology]. Voprosy filosofii, 1: 39–42.
16. Тенбрук Ф. 2013. Репрезентативная культура. Социологическое обозрение, 12 (3): 93–120.
- Tenbruk F. 2013. Rerezentativnaya kul'tura [Representative Culture]. Sotsiologicheskoye obozreniye, 12 (3): 93–120.
17. Учреждающая дискурсивность Михаила Петрова: интеллект в интерьере культурного капитала. Под. ред. В.П. Римского. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. 456 с.
- Uchrezhdayushchaya diskursivnost' Mikhaila Petrova: intellektual v inter'yere kul'-turnogo kapitala [Mikhail Petrov's founding discursiveness: an intellectual in the interior of cultural capital] / Pod. red. V.P. Rimского. M.: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya», 2017. 456 p.
18. Философия и идеология: от Маркса до постмодерна. Отв. ред. А.А. Гусейнов, А.В. Рубцов, М.: Прогресс-Традиция, 2018. 464 с.
- ilosofiya i ideologiya: ot Marksa do postmoderna [Philosophy and Ideology: from Marx to Postmodernism]. Otv. red. A.A. Guseynov, A.V. Rubtsov, M.: Progress-Traditsiya, 2018. 464 p.
19. Шацкий Е. 2018. История социологической мысли. Пер. с польск. М.: Новое литературное обозрение, 720 с.
- Shatskiy, Ye. 2018. Istoriya sotsiologicheskoy mysli [History of Sociological Thought]. Per. s pol'sk. M.: Novoye literatur-noye obozreniye, 720 p.

Ссылка для цитирования статьи

Reference to article

Трунов А.А. 2019. Идеология в обществах модерна и постмодерна: сравнительный анализ. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 44 (2): 234–243. DOI: 10.18413/2075-4566-2019-44-2-234-243

Trunov A.A. 2019. Ideology in the societies of modernity and postmodernity: a comparative analysis. Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Lawseries. 44 (2): 234–243. (in Russian). DOI: 10.18413/2075-4566-2019-44-2-234-243